

УДК 82.0 : 82.09
ББК 83.3 (2=Чеч) 6
Г 93
М.М. Губанукаева

Специфика формирования и развития жанра романа в чечено-ингушской литературе

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье речь идет о становлении жанра романа в чечено-ингушской литературе и о творчестве С.Бадиева, М.Мамакаева, С.-Б.Арсанова, Х.Ошаева и других писателей, сыгравших исключительно важную роль в формировании национальной литературы и определивших развитие жанра романа в современной чеченской литературе.

Ключевые слова:

Литературный процесс XX века, чечено-ингушская литература, жанр романа, современная чеченская литература, типологические связи, северокавказская литература.

В 20-30-е годы XX века происходит зарождение и развитие чечено-ингушской литературы. В творчестве С.Бадиева, Н.Музаева, А.Мамакаева, Х.Ошаева и других преобладают «малые» жанры и осмысливаются важнейшие социально-исторические темы. Самым ярким явлением в этот период являются опубликованные в 1930 году в газете «Революция и горец» главы романа С.-Б.Арсанова, который впоследствии получит название «Когда познается дружба» и окажет существенное влияние на развитие жанра романа.

30-е – середина 50-х годов – самый сложный период в чечено-ингушской литературе. В плане жанрового развития приходится говорить, с одной стороны, о высоком развитии драматургии и лирики (Ш.Айсанов, М.Исаев, Н.Музаев, С.Бадиев), с другой, – о несколько замедленном развитии прозы (С.-Арсанов, М.Мамакаев, Х.Ошаев). Это можно объяснить сильным влиянием фольклорных источников, которые лучше соотносились с лирическими и драматургическими формами.

Этот этап следует назвать и самым трагическим в истории чечено-ингушской литературы, поскольку были репрессированы писатели Ш.Айсанов, А.Нажаев, А.Дудаев, А.Озиев, на десятки лет было прервано творчество А.-Г.Гойгова, М.Мамакаева, А.Мамакаева, Х.Ошаева, С.-Б.Арсанова и др.

Самыми яркими произведениями в прозе 40-х годов считаются очерки И.Базоркина «Не

простим!», «Лицо врага», «У открытой могилы», «Гнев народа», «Честь горца», «Слово к чечено-ингушской интеллигенции» и др. По страстности пафоса в разоблачении фашизма они перекликаются с публицистическими выступлениями этого периода А.Толстого, К.Симонова, И.Эренбурга.

Столь же интересны и фронтовые очерки и рассказы И.Базоркина («Сэй», «Зарета»), написанные в годы войны, о борьбе с фашистскими захватчиками в Осетии и Кабарде. В 1943 году в Грозном вышел сборник публицистики И.Базоркина «В бой» (на ингушском языке), сборник стихотворений Д.Яндиева «Сердце матери» (на русском языке).

Несомненно, что развитие чечено-ингушской литературы в этот период было бы другим, если бы не обстоятельства, о которых уже говорилось выше, поэтому можно считать, что с середины 50-х годов XX века происходит постепенное «восстановление» чечено-ингушской литературы и возвращение к творческой деятельности Н.Музаева, М.Мамакаева, С.-Б.Арсанова, Х.Ошаева и др. Более того, следует сказать и о том, что, находясь в ссылке, они пытались сохранить родной язык и культуру. Так, в Алма-Ате с 1956 года стала выходить газета на чеченском языке «Знамя труда», на ее страницах печатались произведения чеченских и ингушских писателей и поэтов. К этому же времени относится издание во Фрунзе и Алма-Ате ряда сборников произведений Н.Музаева,

Х.-Б.Муталиева, А.Хамидова, романа С.-Б.Арсанова «Когда познается дружба».

На этом этапе особенно следует отметить развитие творческого диалога с писателями Дагестана, Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Необходимо сказать о взаимовлияниях и типологических параллелях, так как плодотворности художественно-эстетических исканий младописьменных литератур содействовали их связи и развитие в едином литературном процессе.

Проблема типологических связей литератур на сегодняшний день достаточно глубоко исследована в работах известных ученых В.Жирмунского, Ч.Гусейнова, Г.Ломидзе, М.Пархоменко, Ю.Суровцева и др. Не ставя своей задачей глубокое освещение вопросов типологического взаимодействия, мы лишь констатируем факт, ссылаясь на исследование У.М.Панеша, который говорит, что в 50-60-е годы в литературах Северного Кавказа «...структурно-композиционные черты историко-революционной и исторической прозы и особенности определяются во многом тем, что в ее формах осуществлялись рождение и формирование самого жанра романа» [4;160].

Жанр романа, в котором отразились, говоря словами Н.Драгомирецкой, «печать переходных эпох» и события переходного времени, в конце 50-х – начале 60-х годов активно развивался в абазинской, чеченской, ингушской, карачаевской, ногайской и других северокавказских литературах. В произведениях Х.Абукова «На берегах Зеленчука», М.Дышекова «Зарво», А.Кешокова «Род Шогемоковых», Х.Теунова «Заря над Терекком», Т.Керашева «Абрек», И.Машбаша «Тропы из ночи» и других историко-революционная тема осмысливается масштабно, но, вместе с тем, она не лишена была «схематичности» сюжета. О концепции романа, где прослеживается «схема», писал Н.Джусойты: «Даётся картина страданий горских народов от двойного насилия – местных социальных верхов и царского самодержавия. Народный протест в начале повествования носит, как правило, стихийный характер. Со временем, с помощью русских революционеров, попавших на Кавказ, ... происходит просвещение горских народных масс. Они организуются, поднимаются на защиту своих свобод и в конечном сче-

те побеждают. Повествование завершается благополучно» [2;89].

Важно заметить, что не только в произведениях данной тематической направленности прослеживается схематизм, следует говорить в целом о ситуации «бесконфликтности» в литературном процессе. «Бесконфликтность» не могла не отразиться на развитии национальных литератур. «Теория бесконфликтности к началу 50-х постепенно закрепились в литературе и искусстве и сыграла свою негативную роль в дальнейшем развитии литературного процесса», – пишет Л.И.Дёмина в своем исследовании «Эволюция конфликта как идейно-эстетической категории в русском литературном процессе 50-60-х годов» [1; 48].

Однако несмотря на проявление «бесконфликтности», следует все же говорить о значительном развитии историко-революционного романа в северокавказской литературе. Развитие жанра романа в литературе предопределялось не только тем, что он «удобен» для выражения социальных проблем эпохи, но и тем, что в условиях, когда в общественно-политической жизни исключительное значение приобретала личность, с которой связывалось решение важнейших проблем, личность и общество стали одним целым, важным составляющим. Причем благодаря жанру романа стало возможным путем художественного анализа прошлого, документального подхода к материалу, положенному в основу произведений, приступить к решению проблемы теории «единого потока», согласно которой чеченцы и ингуши не имели до революции социальных различий. Преодоление этой теории позволило писателям изобразить реалистичную картину жизни и одновременно осмыслить ряд других художественно-эстетических проблем, поэтому можно утверждать, что активное развитие жанра романа в чечено-ингушской прозе приходится на конец 50-х и 60-е годы.

В большинстве произведений этого периода глубоко осмысливается тема революции и гражданской войны, создается образ нового героя – борца и главным становится социальный конфликт, взаимодействие человека и истории. Для историко-революционного романа характерно романтическое возвышение героя, что объясняется, в первую очередь, связью литературы и фольклора. Образ героя в художествен-

ном произведении только начинал складываться, и, как правило, он «вырастал из реальности», поэтому часто известные исторические деятели становились героями произведений.

Известный писатель М.Мамакаев в основу своего романа «Мюрид революции» (1962) положил реальные исторические события – борьбу чеченского народа за социальное освобождение и установление новой власти в Чечне. Несомненно, что тематика этого произведения была обусловлена временем и желанием поделиться восхищением своим земляком Асланбеком Шериповым. По признанию самого писателя: «Создать документальную повесть или роман из недалёкого исторического прошлого – задача весьма нелегкая... В жизни мне не довелось видеть героя своего произведения, но светлый образ его никогда не оставлял меня в покое... Чем больше я знакомился с жизнью Асланбека Шерипова, тем яснее он рисовался мне самым обыкновенным человеком, но с твердым характером и сильной волей, храбрым и правдивым» [3;3-4].

Композиционная структура романа подчеркивает революционно-романтическую направленность произведения М.Мамакаева, поскольку отдельные тезисы, вынесенные в качестве эпиграфа к главам, и основное содержание произведения в качестве ключевой выделяют идею свободы. Эпиграф второй части романа подтверждает эту мысль: «Мы горцы, – говорит Асланбек Шерипов, – пойдём сражаться за свою независимость вместе с теми, кто будет биться за свободу» [3;67]. И далее, в начале третьей главы писатель также вынес важнейшие слова героя, несущие глубокий идейный смысл: «История нашей борьбы за свободу написана собственной кровью народа» [3;133]. В этой части романа писатель изображает наиболее драматические события борьбы за власть в Чечне, в которых участвует и погибает Асланбек Шерипов. В эпилоге романа писатель передает скорбь чеченского народа о героях, участниках революции, погибших за неё в борьбе. «Умер Асланбек, – пишет М.Мамакаев. – И, хотя это было неумолимой правдой, я никак не хотел, не мог примириться с ней!.. Боевые товарищи Асланбека дали клятву на могиле героя и сдержали ее. Не успели прорезаться всходы на могильном холме Шерипова, как революци-

онные войска водрузили красное знамя на самом высоком здании в Грозном» [3;205].

Безусловно, что образ Асланбека Шерипова получил глубокое романтическое осмысление в романе «Мюрид революции». Для его создания писатель использовал художественные и стилистические средства, возвышающие этот образ. И даже гибель Аслабека Шерипова воссоздана поистине впечатляюще: «И тут вперед вырвался всадник в серой папахе, на горячем коне. Размахивая в воздухе высоко поднятым над головою маузером, он опередил знаменосца. Асланбек! Асланбек! – закричали горцы... Стремительно мчавшийся конь Шерипова внезапно вздыбился, преграждая путь отступавшим белогвардейцам. – Солдаты! – крикнул юноша, во весь рост поднимаясь на стременах. – Сдавайтесь, и вы свободны! Я Асланбек! – и вдруг замолк...» [3;201]. Романтическую направленность стиля повествования подчеркивают и слова из «Песни о Соколе», которые произносит друг Шерипова Николай Гикало.

М.Мамакаев сознательно возвышает образ героя гражданской войны, делая его образцом нравственной и духовной высоты. «Я старался, – признавался он, – создать книгу о человеке, который ярко взлетел на короткое время и горел, словно падающая звезда. Да, он действительно сгорел, но не упал. Он остался жить в сердцах потомков как пример замечательной жизни, отданной народу» [3;4]. О жизни, о борьбе, о патриотизме этого человека рассказано глубоко и проникновенно, символическую роль играют картины природы. Писатель подчеркивает, что даже природа скорбит о безвременно погибшем герое: «Траурная процессия двигалась вдоль реки, по узкому карнизу, теснимая глыбами базальтовых скал, где над рыдающим Аргуном почтительно склонялись мрачные горы, вековые дубы и чинары: сегодня они прощались со своим верным сыном. Асланбек, как поэт, любил первозданную красоту своей земли и верен был ее могучей силе. Теперь, казалось, что вся окружающая природа оплакивала его гибель, провожая траурный кортеж... В небе кружились птицы, и их разноголосый щебет звучал печально, словно и они горевали вместе с бойцами» [3;203-204].

Можно с уверенностью сказать, что в повествовательной структуре романа исключитель-

ную роль имеет раскрытие характера Асланбека Шерипова. Писатель для этого использует ряд художественных приемов и средств и не только концентрирует наше внимание на главном герое, на его действиях, событиях, в которых он участвует, но и сознательно обращается и к отрицательным персонажам, усиливая их характеристику за счет портретной детализации. Например, в облике эмирата Узун – Хаджи писатель выделяет «булавочные острые глаза», или о полковнике Соколове он говорит: «Его колючие серые глаза бегали по лицам собравших нагло и вызывающе». Через их внешний облик автор стремится раскрыть внутренний мир, подчеркнуть и выразить таким образом своё отношение к ним.

Безусловно, что данный художественный прием не является единственным, выявление приемов и глубокий анализ данного произведения выходят за рамки данной работы. Обращение к роману В.Мамакаева позволило сделать важный вывод о развитии жанра героико-исторического романа в чечено-ингушской литературе.

Можно утверждать, что рассмотрение исторической действительности в различных аспектах получило широкое осмысление в произведениях чеченских и ингушских писателей второй половины прошлого века. Исключительно важную роль в освоении темы героической борьбы горских народов сыграло творчество С.-Б.Арсанова, С.Бадиева, Мамакаева и др., определившее в дальнейшем развитие и состояние современной чеченской прозы и жанра романа в ней.

Примечания:

1. Демина Л.И. Эволюция конфликта как идейно-эстетической категории в русском литературном процессе. – М., 2001.
2. Джусойты Н. Все начинается с размышления // Вопросы литературы. – 1976. – № 5.
3. Мамакаев М. Мюрид революции. – Грозный, 1976.
4. Панеш У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. – Майкоп, 1990.